

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Война Россіи со Швеціей въ 1788—1790 годахъ.

Соч. А. Брикнера. С.—Петербургъ, 1869.

Впервые встрѣчаемъ мы на русскомъ языкѣ монографію войны нашей со шведами въ царствованіе императрицы Екатерины II, хотя въ матеріалахъ для исторіи этой войны не было недостатка ни на иностранныхъ, ни на русскомъ языкахъ. Еще въ продолженіе военныхъ дѣйствій были обнаружены за-границей и у насъ (въ тогдашнихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ) многіе документы, преимущественно дипломатическія корреспонденціи, и даже издана была, на нѣмецкомъ языкѣ, цѣлая книга въ трехъ томахъ о кампаніи 1789 года: это записки принца Александра Гессенскаго. Наши современные дѣтели также оставили послѣ себя драгоцѣнные матеріалы, каковы, напримѣръ, «Журналъ адмирала Грейга» о дѣйствіяхъ русскаго флота лѣтомъ 1788 года, о сраженіи при Гохландѣ и т. д. (напечатаны въ 1823 году, въ «Сѣверномъ Архивѣ»); «Донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ на сушѣ въ 1789 году», сообщенныя графомъ П. П. Сухтеленемъ (напечатаны тамъ же); «Записки» адмирала Чичагова о дѣйствіяхъ русскаго корабельнаго флота (извлеченія помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1825—1826 годовъ). Богатый матеріалъ заключаютъ въ себѣ «Записки» Храповицкаго (1782—1790), напечатанныя (1862) въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», и отдѣльною книжкою. Въ «Полномъ Собраніи Законовъ» (томы XXII и XXIII) также есть многіе документы. Въ послѣднее же время обнаружено большое число писемъ Екатерины, относящихся къ шведской

Т. LXXII. Отд. II.

войнѣ, въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 года и въ первомъ томѣ «Сборника Русскаго Историческаго Общества» (1867). Не исчисляя многихъ другихъ документовъ и матеріаловъ, на которыя указываетъ авторъ, замѣтимъ только, что онъ имѣлъ, повидимому, подъ рукою все, что только было когда-либо обнародовано о борьбѣ Екатерины II съ Густавомъ III, и, кромѣ печатныхъ источниковъ (въ томъ числѣ и шведскихъ) пользовался рукописными. Первоначально трудъ г. Бригнера былъ помѣщенъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; выпускъ его въ свѣтъ отдѣльною книжкою нельзя не привѣтствовать съ удовольствіемъ, какъ первый, и притомъ удачный, опытъ описанія войны, которая, какъ увидимъ, имѣла, въ политическомъ смыслѣ, весьма важное значеніе. Описаніе г. Бригнера не есть чисто-военное: онъ не вдается въ сужденія о дѣйствіяхъ нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, но онъ тщательно собралъ и хорошо сгруппировалъ множество фактовъ, полныхъ интереса, о всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ сторонахъ войны 1788—1790 годовъ, въ смыслѣ политическомъ и военномъ. Кромѣ многочисленныхъ подстрочныхъ прилѣчаній, въ самомъ текстѣ помѣщены, отчасти цѣликомъ, отчасти въ извлеченіи, или мало-извѣстные или вовсе неизвѣстные документы, проливающие яркій свѣтъ и на событія, и на лица.

Что русско-шведская война заслуживала быть описанною во всѣхъ своихъ подробностяхъ, это доказываютъ не только дѣла, съ которою она была начата королемъ шведскимъ, но и тогдашнія отношенія главныхъ европейскихъ державъ къ Россіи. Изъ записокъ статсъ-секретаря Храповицкаго, пользовавшагося въ то время особеннымъ довѣріемъ императрицы, видно, что при нашемъ дворѣ шведскія дѣла считались болѣе важными, чѣмъ современная имъ война съ турками и дѣла западно-политическія. Такой взглядъ на отношенія Россіи къ Швеціи не покажется преувеличеннымъ, если вспомнить, что *балтійскій вопросъ*—употребляя нынѣшнее выраженіе—не былъ вполнѣ разрѣшенъ Петромъ I, и что этотъ вопросъ непосредственнѣе затрагивалъ интересы Россіи относительно того мѣста, которое наше отечество должно было занимать въ политической системѣ европейскихъ государствъ.

Балтійскій вопросъ возникъ задолго до Петра. «Ливонія была и будетъ наша», отвѣчалъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный польскому королю Сигизмунду-Августу, когда тотъ, подчинивъ эту область подданству польской короны, потребовалъ очищенія орденскихъ земель (Юрьева-Дерпта съ окрестностями), занятыхъ русскими вой-

слави. Отвѣчая такъ, умный и дальновидный царь столько же зналъ свои военныя историческія права на Ливонію, сколько понималъ необходимость для Россіи владѣть прибалтійскими землями. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, знаменитый дипломатъ Ордынъ-Нащокинъ считалъ пріобрѣтеніе балтійскаго края самою важною задачею вѣшной политики Россіи, а патриархъ Никонъ признавалъ возможнымъ наступательное движеніе Россіи даже противъ столицы Швеціи. Петръ осуществилъ эти планы, но, какъ мы сказали, не выполнѣ. Борьба его съ Карломъ XII долженствовала быть тѣмъ упорнѣе, что вопросъ шелъ о первенствѣ на Балтикѣ, гдѣ Швеція, послѣ войны съ Польшою въ началѣ семнадцатаго вѣка, цѣлое столѣтіе была преобладающимъ государствомъ. Присоединивъ къ Россіи Ливонію и Эстонию, Петръ успѣлъ завоевать въ Финляндіи только юго-восточную часть ея. Послѣ Петра, Россія, въ теченіе ста лѣтъ (со времени заключенія ништадтскаго мира), неоднократно пыталась распространить свое господство до рѣки Торнео. Швеція, въ свою очередь, помышляла только о томъ, какъ бы возвратить потерянную, въ Сѣверную войну, часть Финляндіи, и съ этою именно цѣлію открыла борьбу при императрицѣ Елисаветѣ, но поплатилась за свою попытку утратою Финляндіи до рѣки Кюмени. Попытка Густава III также не повела ни къ чему. Россія рѣшила, наконецъ, въ свою пользу давнишнюю задачу при императорѣ Александрѣ I.

Надобно сознаться, что Густавъ III выбралъ самую удобную для своихъ замысловъ минуту: онъ началъ военныя дѣйствія въ 1788 году, когда Екатерина, занятая войною съ Турціею, меньше всего думала о разрывѣ со Швеціею, и когда почти всѣ военныя силы наши находилась въ распоряженіи князя Потемкина. Вторгнувшись въ предѣлы русской Финляндіи и открывъ наступательныя дѣйствія противъ Фридрихсгама и Выборга, Нейшлота и Вильманстранда, шведскій король угрожалъ не только Ревелю, но Бронштадту и Петербургу. Если бы его дѣйствія увѣнчались успѣхомъ, то послѣдствія могли бы быть весьма опасны для Россіи. Но счастью, нашему флоту выпала славная доля спасти и Бронштадтъ, и Петербургъ, и тѣмъ предотвратить роковыя событія. Дѣйствія же нашихъ малочисленныхъ сухопутныхъ войскъ въ Финляндіи ограничивались преимущественно обороною, и, безъ поддержки флота, не могли бы повести ни къ какому рѣшительному результату.

Низя теперь, въ разсматриваемой нами книгѣ, всѣ современные документы, относящіеся къ разъясненію причинъ войны, можно сказать утвердительно, что самъ король Густавъ, при всей своей от-

важней предпринимчивости, не отважился бы на разрывъ съ Россією, если бы не рассчитывалъ на сильную постороннюю поддержку. Франція и Англія, недовольныя раздѣломъ Польши, опасались, чтобы и Швецію не достигла таже участь, и англійскій кабинетъ, по настоятельнымъ требованіямъ французскаго, обращался къ двору въ Петербургскому, берлинскому и вѣнскому съ заявленіемъ необходимости обезпечить независимость шведскаго королевства. Впослѣдствіи Пруссія также примкнула къ политикѣ западныхъ державъ, и, подобно Франціи и Англіи, стала поддерживать Густава въ его замыслахъ противъ Россіи. Причина та, что успѣхи русскаго оружія противъ турокъ крѣпко безпокоили кабинеты англійскій и прусскій; имъ нужно было промѣстивъ диверсію на сѣверѣ и въ лицѣ шведскаго короля оцѣнить защитника турецкаго султана. Словомъ, рѣшено было образовать коалицію изъ Швеціи, Польши и Турціи. Всѣ эти политическія интриги очень подробно изложены въ книгѣ г. Брикнера. Въ ней доказано также, что зачинщикомъ войны былъ Густавъ, а не Екатерина, какъ то увѣряютъ шведскіе и другіе иноземные исторіки. Напротивъ, императрица Екатерина желала жить мирно со своимъ сосѣдомъ; увѣряла его въ томъ при двукратномъ личномъ свиданіи, и, еще за пять лѣтъ до разрыва, писала (въ 1783 году) Густаву: «Говорятъ, будто вы намѣрены напасть на Финляндію и идти прямо къ Петербургу, по всей вѣроятности, чтобы здѣсь поужинать. Я, впрочемъ, не обращаю вниманія на такую болтовню; въ ней выражается лишь игра фантазіи».

Изъ переписки короля со шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, барономъ Нолькеномъ, видно, что Густавъ надѣялся застать Россію неприготовленною къ войнѣ. Нолькенъ изображалъ самыми мрачными красками тогдашнее положеніе Россіи, говорилъ о дороговизнѣ и о неурожаѣ, о частыхъ рекрутскихъ наборахъ, о тяжести налоговъ и повинностей, о недостаткахъ въ администраціи, о безденежьи, и замѣчалъ, что всѣ эти обстоятельства ставили Россію въ невозможность обороняться съ успѣхомъ. Подобныя же извѣстія были сообщаемы и другими дипломатами.

Екатерина узнала о приготовленіяхъ Густава къ войнѣ въ мартѣ 1788 года, но еще надѣялась на сохраненіе мира даже тогда, когда шведскій флотъ уже вышелъ изъ Карлскроны. Разговаривая со своимъ статсъ-секретаремъ Храповицкимъ, императрица спросила его: «*С'ouvez-vous que se fou m'attaquera?*» («Полагаете-ли вы, что этотъ сумасшедшій нападетъ на меня?»). Храповицкій указалъ на выгодный для Россіи параграфъ шведской конституціи, въ силу

котораго король не имѣлъ права начинать самъ собою наступательной войны. Въ то же время, Екатерина писала Потемкину: «Мнѣ кажется, они (шведы) не задержатъ, а останутся при демонстраціи. Осталось рѣшить лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстрацію? Если бы ты былъ здѣсь, я бы рѣшилась въ пять минутъ что дѣлать, переговора съ тобою. Если бы слѣдовать своей склонности, я бы флоту Грейгову да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію: въ сорокъ лѣтъ шведы паки не построили бы корабли; но, сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. Начать намъ и потому никакъ не должно, что если онъ насъ задержитъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть, по ихъ конституціи, никакой помощи; а буде мы задеремъ, то они дать должны. Итакъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣбъ съѣсть».

Авторъ выражаетъ мнѣніе, что дипломатическій разрывъ между обѣими державами едва-ли не достойнѣе вниманія, чѣмъ военныя дѣйствія, начавшіяся еще до прекращенія дипломатическихъ сношеній, т. е. что борьба на бумагѣ заключала въ себѣ событія важнѣе событій кампаніи 1788 года, кромѣ сраженія при Гохландѣ ничѣмъ особенно не замѣчательныхъ. Дипломатическая переписка между Россією и Швецією любопытна еще въ томъ отношеніи, что литературный талантъ Екатерины и Густава игралъ довольно видную роль въ составленіи документовъ, которые были не только дипломатическими грамотами, но и политическими памфлетами, и выражали не только политическое столкновеніе между двумя государствами, но и личную антипатію между императрицею и королемъ.

Въ числѣ дипломатическихъ бумагъ, ультиматумъ Густава III поражаетъ своею заносчивостію, что бы не сказать болѣе. Шведскій король соглашался возстановить миръ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) примѣрно наказать графа Разумовскаго (нашего посла въ Стокгольмѣ) за его вмѣшательство во внутреннія дѣла Швеціи; 2) въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ королемъ на вооруженіе, уступить ему, на вѣчное время, всю часть Финляндіи и Кареліи, съ губерніей и городомъ Бексгольмомъ, установивъ границу по Систербегъ; 3) принять посредничество короля шведскаго въ примиреніи Россіи съ Турцією, съ тѣмъ, что бы предложить Портѣ полную уступку Крыма и возстановить границы по договору 1744 года; а если бы Порта не согласилась на эти условія, то опредѣлить границы такъ, какъ онѣ были до войны 1768 года; 4) въ обезпеченіе этихъ жертвъ обезоружить русскій флотъ, возвратитъ корабли, вышедшіе въ Бал-

тійское Море, вывести русскія войска изъ новыхъ границъ и согласиться, что бы шведскій король остался вооруженнымъ до заключенія мира между Россією и Портою».

Въ заключеніе было сказано, что король шведскій ожидаетъ въ отвѣтъ *да* или *нѣтъ*, и заранее отвергаетъ всякую уступку.

По выраженію графа Сегюра, французскаго посланника при нашемъ дворѣ, даже турецкій султанъ не посмѣлъ бы обратиться къ слабому господарю Молдавскому въ такомъ тонѣ, въ какомъ Густавъ говорилъ теперь съ могущественною монархиней Сѣвера. По замѣчанію же одного изъ современниковъ, датчанина, даже «Фридрихъ II, знаменитый полководецъ, во главѣ побѣдоносной арміи и имѣя полную казну, не осмѣлился бы сдѣлать такихъ мирныхъ предложеній, которыя можно было скорѣе принять за объявленіе войны».

Но таковъ былъ заносчивый Густавъ. Заранѣе вообразивъ себя непремѣнно побѣдителемъ, онъ приглашалъ дамъ стокгольмскаго двора на балъ въ Петергофѣ и на молебень въ Петропавловскомъ соборѣ, намѣревался опрокинуть монументъ Петру Великому на Исакиевской площади и мечталъ, что его имя разнесется по Азій и по Африкѣ, какъ мстителя за Турцію... Въ государственномъ же совѣтѣ Густавъ сказалъ: «Если успѣхъ увѣнчаетъ наше оружіе, то я, между памятниками русской гордыни, пощажу только памятникъ Петру Великому, что бы начертать и увѣнчать на немъ имя Густава III».

Императрица Екатерина, насмѣшливо отзываясь графу Сегюру о «сумасшедшей нотѣ» короля, спрашивала, какъ онъ находитъ ея редакцію.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ французскій дипломатъ, шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три рѣшительныя побѣды.

— Если бы онъ и одержалъ три рѣшительныя побѣды, возразила императрица съ жаромъ, и даже, если бы онъ овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, то я показала бы ему что можетъ сдѣлать, во главѣ храбраго и преданнаго народа, женщина съ сильнымъ характеромъ, стоя на развалинахъ великаго государства.

Императрицу оскорбляло въ особенности хвастовство Густава, что онъ могъ бы, въ пугачевщину, пользуясь опаснымъ положеніемъ Россіи, нанести Екатеринѣ рѣшительный ударъ. «Il cite son confrère Pougatchew», замѣтила государыня Храповицкому, а Потемкину писала: «Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе; съ сими курьеромъ получишь манифестъ мой объявленія войны; оскорбленія наши многочисленны; мы отъ роду не слыхивали жалобъ

отъ него, а теперь невѣдомо за что развалился. Теперь Богъ будетъ между нами судьей».

Не входя въ чисто-военныя подробности кампаніи 1788 года, авторъ указываетъ на ея общенсторическое значеніе.

Густавъ хотѣлъ идти прямо къ Петербургу. На морѣ онъ долженъ былъ встрѣтить и разбить русскій флотъ; затѣмъ надлежало овладѣть Броншлаттомъ: только тогда ему открывался путь къ столицѣ съ моря. На сушомъ пути, королю предстояло занять русскую Финляндію и взять укрѣпленные города Фридрихсгамъ, Нейшлотъ, Вильманстрандъ и Выборгъ. Но русскій флотъ не былъ разбитъ при Гохландѣ; попытки противъ Нейшлота и Фридрихсгама не удались... Оказалось, что Густавъ не имѣлъ ни военныхъ дарованій, ни достаточныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей; войско его нуждалось въ снарядахъ и въ продовольствіи; нашъ флотъ оказался сильнѣе шведскаго, а, главное, король не могъ рассчитывать на вѣрность и преданность своихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ. Въ арміи его были представители различныхъ политическихъ партій, волновавшихъ тогда Швецію.

Изъ отзывовъ иностранныхъ дипломатовъ, находившихся въ Петербургѣ, можно видѣть, какъ сама императрица думала объ опасности, грозившей столицѣ. Екатерина велѣла спросить генерала Михельсона: можетъ ли она безопасно оставаться въ Петербургѣ, и получила утвердительный отвѣтъ. Впрочемъ, день и ночь были готовы до пяти сотъ лошадей, для перевозки императрицы и двора въ Москву, въ случаѣ надобности, и приняты мѣры къ спасеніи нѣкоторыхъ драгоценностей, архивовъ и т. д. Храповицкій свидѣтельствуетъ, что при дворѣ вполне сознавали опасность; тамъ было извѣстно, что Густавъ намѣревался «сдѣлать десантъ при Красной Горѣ, съечь Броншлаттъ, взять Петербургъ и опрокинуть памятникъ Петру Великому». Самому Храповицкому императрица сказала (23-го іюня): «Привыкла къ дѣламъ; имѣла дѣла большія; умѣла крѣпиться, но нельзя до сентября быть спокойною; но любви къ отечеству и по природной чувствительности, нельзя теперь не беспокоиться». Она считала, дѣйствительно, возможнымъ прибытіе шведовъ въ Петербургъ, гдѣ и были приняты мѣры къ оборонѣ. Кроме того, императрицу сильно тревожили опасенія относительно прибалтійскихъ провинцій, и потому, получивъ извѣстіе объ отступленіи шведскихъ войскъ изъ-подъ Фридрихсгама, привнала въ этомъ событіи «посobie Божіе». Блокада шведскаго флота въ Свеабургѣ также должна была успокоить ее.

Съ другой стороны, Екатерина въ крайне были непріятны настоящія предложенія Франціи, Англіи и Пруссіи о посредничествѣ. Больше всего оскорбляло ее вмѣшательство Пруссіи въ русскія дѣла и старанія берлинскаго кабинета оправдать поступки шведскаго короля. «Буде два дурака не уймутся—сказала она—то станемъ драться. Графа Румянцова—Задунайскаго обратитъ для наступательной войны на Пруссію, чтобы отнять тѣ земли, которыя я ему (т. е. прусскому королю) отдала». — «Со всѣми помирюсь, но никогда не прошу королямъ шведскому и прусскому: первому возвратила земли императрица Елисавета, а второму я», замѣтила государыня въ другой разъ. Она готова была продолжать военныя дѣйствія въ Финляндіи даже зимою 1788—1789 года, старалась уговорить главнокомандующаго, графа Мусина-Пушкина, вообще вялаго и нерѣшительнаго, дѣйствовать смѣлѣе, и сама усиленно занималась приготовленіями къ новой кампаніи: начертывала операціонные планы, изучала походъ въ Финляндію при императрицѣ Елисаветѣ, распорядилась укрѣпленіемъ главныхъ проходовъ, внимательно слѣдила за успѣшностію рекрутскаго набора, имѣла въ вѣду укрѣпить Петербургъ. По мнѣнію Потемкина, надлежало дѣйствовать наступательно; однако императрица сказала: «сперва надобно разбить флотъ и завладѣть моремъ, а послѣ дѣйствовать наступательно: сіе произведетъ революцію (въ Швеціи). Истребя шведскій флотъ, надолго можемъ быть спокойны».

Мы уже замѣтили, что, по отзывамъ современниковъ, Россія боролась въ это время съ разнаго рода затрудненіями и, въ особенности, съ финансовыми, заставившими приступить къ новому выпуску ассигнацій. Численность войскъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи, была постоянно гораздо ниже цифры, показываемой въ официальныхъ спискахъ. Весной 1789 года императрицѣ было представлено, что въ Финляндіи находилось 26,300 человекъ пѣхоты, 9,000 конницы, 1,200 артилеріи, но на самомъ дѣлѣ составъ арміи былъ далеко меньше. Это отчасти подтверждается и вызовомъ на театръ военныхъ дѣйствій 2,000 башкировъ, которые, однако, оказались болѣе вредными, чѣмъ полезными: они безразлично грабили и непріятельскихъ, и русскихъ подданныхъ. Корабельный флотъ, стоявшій въ Ревелѣ и въ Бронштадтѣ, заключалъ въ себѣ 36 линейныхъ кораблей и 20 фрегатовъ, да въ Копенгагенѣ зимовали 10 линейныхъ кораблей и 3 фрегата. Но въ кампанію 1789 года главную роль суждено было играть галерному флоту, начальникомъ котораго государыня назначила принца Нассау-Зигена, отличившагося въ турецкой войнѣ.

Въ кампанію 1789 года, какъ и въ предшествовавшую, дѣй-

ствѣ нашихъ сухопутныхъ войскъ, ограничиваясь обороною, не представляли ничего особенно замѣчательнаго; разница противъ кампаніи 1788 года заключалась въ томъ, что всѣ проходы, съ самаго начала, были заняты русскими войсками, и потому Густавъ, съ большимъ трудомъ, пробрался въ окрестности Фридрихсгама, а въ Саволаксѣ непріятель принужденъ былъ даже къ отступленію и преслѣдуемъ въ предѣлахъ шведской Финляндіи. Въ южной Финляндіи, кампанія получила другой характеръ, потому что войскамъ содѣйствовалъ нашъ галерный флотъ, и Петербургу, въ 1789 году, уже не грозила такая опасность, какъ въ прошломъ году.

На сколько императрица была довольна дѣйствию принца Массеу-Зигена, одержавшаго 13-го (24-го) августа побѣду при Свенсундѣ, или при Роченсалмѣ, надъ шведскимъ адмираломъ Эренсвердомъ, на столько она была крайне недовольна бездѣйствіемъ Муцина-Пушкина, который или не могъ, или не умѣлъ выполнить настоятельныя требованія Екатерины—нанести на шведскую Финляндію. Отъ того, во всю кампанію 1789 года, морское сраженіе при Свенсундѣ было единственнымъ замѣчательнымъ событіемъ, а единственнымъ результатомъ кампаніи—изгнаніе шведовъ изъ русскихъ предѣловъ. Въ рукахъ ихъ оставался правый берегъ рѣки Кюмени.

Оба враждовавшія государства желали, между тѣмъ, мира; ни Россія, ни Швеція не могли ожидать для себя существенныхъ выгодъ отъ продолженія войны, въ виду неблагопріятнаго положенія своихъ внутреннихъ дѣлъ. Они, вѣроятно, и заключили бы миръ, если-бы вопросъ о войнѣ не былъ тѣсно связанъ со многими другими вопросами европейской политики. Турція рассчитывала на Швецію; Пруссія желала ограниченія вліянія Россіи; Англія поддерживала султана; Польша хотѣла воспользоваться затруднительными обстоятельствами Россіи и готова была дѣйствовать за-одно съ Пруссіею и съ Швеціею. На двухъ своихъ единственныхъ союзницъ, Австрію и Данію, Россія надѣяться не могла: Австрія сама, въ то время, была занята революціею въ Нидерландахъ; слабая Данія зависѣла отъ политики окружающихъ ее державъ, особенно при государственномъ переворотѣ, совершавшемся тогда во Франціи. Словомъ, Россія видѣла себя въ совершенномъ уединеніи. И это было въ блистательнѣйшій періодъ торжества нашего оружія надъ турками: въ августѣ 1789 года турки понесли пораженіе при Фонтанахъ; въ сентябрѣ Суворовъ разгромилъ ихъ при Рымникѣ; Агерманъ и Бендеръ пали... Самые сильныя планы относительно Греціи опять стали занимать Екатерину... Въ октябрѣ она сказала о грекахъ: «Ихъ

можно оживить. Константинъ (*) мальчикъ хорошій: онъ чрезъ тридцать лѣтъ пройдетъ изъ Севастополя въ Царьградъ. Мы теперь рага ломаемъ, а тогда уже будутъ сломены, и для него будетъ легче».

Двоедушная политика берлинскаго кабинета особенно безповола императрицу. 18-го октября 1789 года Екатерина писала Потемкину: «Каковы бы цесарцы ни были, и какова ни есть отъ нихъ тягость, но она несравненно *будетъ меньше всегда, нежели прусская*, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтъ можетъ только быть придумано нескоснымъ. Мы прусаковъ ласкаемъ; но каково на сердца терпѣть ихъ *грубости и ругательствомъ наполненныя слова и дѣла!*». Въ одной изъ записокъ императрицы было сказано о томъ же: «Молю Всевышняго, да отгнетъ прусаку гордость. Въ 1762 году я его дядюшкѣ (Фридриху II) возвратила Прусію и часть Помераніи, что не исчезнетъ въ моей памяти. Не забуду и то, что двухъ нашихъ союзниковъ (Австрію и Данію) онъ же привелъ въ недействіе, что съ врагами нашими заключилъ союзъ, что шведамъ давалъ денегъ, и что съ нами имѣлъ грубыя и неприлично-мовецительныя переписки. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ авось—либо».

Въ Петербургѣ считали весьма вѣроятною войну съ Прусіею, что, конечно, еще болѣе усилило бы затруднительность положенія Россіи: вторгнувшись въ прибалтійскія губерніи, прусаки могли бы провѣсти весьма полезную для шведовъ диверсію и надѣлали бы намъ много хлопотъ. Какъ тревожила Екатерину вся эта собиравшаяся гроза, видно изъ слѣдующихъ ея отъызовъ: «Или миръ, или тройная война», сказала она 24-го декабря 1789 г.; а 31-го декабря замѣтила: «Теперь кризисъ: прусаки ищутъ миру и готовы начать войну съ нами и съ императоромъ (австрійскимъ); всѣ державы въ ферментациі; одна Испанія спокойна». 12-го января 1790 года императрица выразилась такъ: «Какъ въ родахъ, ожидаю разрѣшенія о мирѣ или о тройной войнѣ».

Къ счастью, опасенія оказались напрасными. Политика прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II никогда не отличалась постояннымъ направленіемъ, всегда была подчинена вліянію партій; ему захотѣлось, въ это время, присоединить къ своимъ владѣніямъ польскіе города Гданскъ и Торунь; на австрійскій престолъ вступилъ Леопольдъ II; во Франціи разгоралась революція, и европейскіе дворы перестали думать о коалиціи противъ Россіи въ пользу шведовъ и поляковъ.

Недовольная графомъ Мушнымъ—Пушкинымъ, Екатерина назначила главнокомандующими генераловъ Игельстрема и Салтыкова, и дѣл-

(*) Великій князь Константинъ Павловичъ; ему было тогда 11-й годъ.

только готовилась къ третьей кампаніи, несмотря на финансовыя затрудненія, т. е. на недостатокъ металлической монеты.

Операціонный планъ Густава въ кампанію 1790 года заключался, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы, слѣдуя берегомъ Финляндіи, соединиться съ отрядомъ Стединна при Выборгѣ; слѣдовательно, этотъ планъ былъ довольно сходенъ съ планомъ двухъ первыхъ походовъ. На дѣлѣ же вышло иначе: вѣсто общаго, одновременнаго и систематическаго дѣйствія всѣхъ частей шведскаго флота и войска, послѣдовалъ только рядъ отдѣльныхъ и какъ-бы случайныхъ стычекъ и сраженій различныхъ частей арміи и флота, пока не разразилась катастрофа при «Березовыхъ Островахъ». Первою цѣлію Густава былъ Фридрихсгамъ. Если бы нападеніе на этотъ городъ было произведено и съ моря, и съ суши, то, вѣроятно, городъ принужденъ бы былъ сдаться; но въ то время, какъ король уже успѣлъ нанести нѣкоторый вредъ русскимъ верфямъ, генералъ Мейерфельдъ, съ сильнѣйшимъ отрядомъ, находился еще въ шведской Финляндіи и цѣлымъ нѣсленіемъ опоздалъ прибыть туда, гдѣ его присутствіе, въ началѣ мая, могло бы дать другой оборотъ всей кампаніи. Теперь же, при разбросанности шведскаго войска, при огромномъ протяженіи операціонной линіи, при одновременныхъ стычкахъ на Кюмени, въ Саволакскѣ и при Фридрихсгамѣ, нечего было ждать рѣшительныхъ успѣховъ, и потому, послѣ незначительныхъ дѣлъ въ апрѣлѣ и въ началѣ мая, главною задачею для шведовъ было: соединить войска и флотъ близъ русскаго берега, между Выборгомъ и Петербургомъ, и затѣмъ дѣйствовать противъ столицы. Такимъ образомъ то, что Густавъ считалъ неисполнимымъ въ кампанію 1788 года, и чего тогда опасались нѣкоторые изъ русскихъ государственныхъ людей, именно обхода вѣрностей и прямаго движенія къ Петербургу, то стало непрѣмѣнною цѣлію короля шведскаго: не овладѣвъ ни Фридрихсгамомъ, ни Выборгомъ, ни Нейшлотомъ, ни Вильманстрандомъ, онъ рѣшался атаковать столицу и этимъ отважнымъ предпріятіемъ достигнуть мира. Густавъ рассчитывалъ на успѣхъ тѣмъ вѣрнѣе, что не придавалъ особенно важнаго значенія морскимъ силамъ Россіи. Въ Петербургѣ то же не надѣялись на нашъ флотъ; но Чичаговъ, на вопросъ Екатерины объ угрожавшей этому адмиралу опасности, отвѣчалъ: «*Богъ милостивъ! не пролотятъ!*»

Опасность, однако, существовала: у Чичагова, на ревальскомъ рейдѣ, было 10 судовъ, а шведскій корабельный флотъ явился въ числѣ 26 парусовъ. По свидѣтельству Храповицкаго, Екатерина, узнавъ 3-го мая о появленіи въ такихъ силахъ непріятеля, почти

не спала ночь, а графъ Безбородко плакалъ; но на другой день получено было радостное извѣстіе о ревальскомъ сраженіи, кончившемся въ нашу пользу (*).

Ревальская побѣда не отвратила, впрочемъ, опасности, грозившей Петербургу. Надобно было ожидать сраженія съ другою эскадрою, близъ Кронштадта, а исходъ этого сраженія зависѣлъ отъ соединенія эскадры Чичагова съ эскадрою Крузе. 23-го мая не только въ Петербургѣ, но и въ Царскомъ Селѣ слышна была съ утренней зари, почти весь день, ужасная канонада: въ этотъ день и въ слѣдующій послѣдовало столкновеніе двухъ флотовъ между островомъ Сескаромъ и Кронштадтомъ. Шведы, не успѣвъ воспрепятствовать соединенію обѣихъ русскихъ эскадръ, увидѣли себя слабѣе, и потому весь шведскій, корабельный и галерный, флотъ удалился, съ десантными войсками, въ Выборгскую Бухту, за Березовыми Островами (**).

Густавъ, несмотря на неудачу, былъ доволенъ своимъ положеніемъ: онъ все еще надѣялся, разбивъ наши сухопутныя войска, открыть себѣ путь къ Петербургу, идти впередъ «à la tête de Charles XII», какъ онъ выражался; но высадки шведовъ, повторившіяся нѣсколько разъ въ незначительныхъ силахъ, не имѣли послѣдствій. Одна изъ нихъ была произведена въ пятидесяти верстахъ отъ Петербурга, близъ Кайвисто, по выборгской дорогѣ, причемъ шведскіе гусары и драгуны, поддержанные пѣхотою, имѣли схватку съ казаками и съ псковскими драгунами и отбросили ихъ. А между тѣмъ шведскій флотъ, блокированный нашими морскими силами въ Свеаборгѣ, начиналъ чувствовать опасность своего положенія. Блокада доходила до того, что король Густавъ не могъ иначе пересылать свои письма въ Швецію, какъ доставляя ихъ къ нашему главнокомандующему, графу Салтыкову, подъ открытою печатью. Не

(*) Екатерина поручила Державину сочинить надпись къ бюсту Чичагова, поставленному въ Эрмитажъ, съ условіемъ, что бы надпись была кратка, и чтобы въ ней непременно были помѣщены вышеприведенныя слова адмирала. Державинъ принесть сорокъ надписей, но ни одна изъ нихъ не понравилась императрицѣ. Тогда Екатерина сама придумала написать на бюстѣ:

Съ тройною силою шли шведы на него;

Узнавъ, онъ рекъ: „Богъ, защитникъ мой“:

„Не пролотятъ они насъ“.

Отразивъ, пѣвннлъ и победы получилъ.

Слово „пѣвннлъ“ относится къ 64-хъ пушечному шведскому кораблю „Принцъ Карлъ“, сдавшемуся Чичагову съ экипажемъ изъ 500 человекъ.

Та же надпись вырѣзана и на надгробномъ памятникѣ Чичагова въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

(**) Разстояніе Березовыхъ Острововъ отъ мѣста сраженія между Сескаромъ и Кронштадтомъ около 25 верстъ.

только войско нуждалось въ продовольствіи, но и король, по свидѣтельству самихъ шведовъ, ежедневно получалъ отъ графа Салтыкова, находившагося въ Выборгѣ, боченко съ водою и столько гушанья, сколько было необходимо для королевскаго стола. Съ нашей стороны надѣялись довести непріятеля до капитуляціи, и съ этою цѣлю французскій капитанъ Пеллисе, служившій прежде въ Голландіи, совѣтовалъ Чичагову построить береговыя батареи у входа въ заливъ, а генераламъ Сухтелену и Салтыкову указывалъ удобныя для того мѣста, ругаясь, что 24-фунтовыя пушки рѣшительно не дозволить прорваться шведскимъ кораблямъ. Предложеніе француза не было принято; въ Петербургѣ такъ вѣровали въ возможность капитуляціи, что готовились принять приличнымъ образомъ илѣннаго короля, хотя Густавъ отвергъ сдѣланное принцемъ Нассау предложеніе о сдачѣ...

Авторъ книги сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, какъ шведы прорвались чрезъ линію нашихъ судовъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ 21-го іюня, король, въ ночь на 22-е іюня (3-го іюля), приказалъ и галерному, и корабельному флотамъ, подвухъ съ восточнымъ вѣтромъ, прорваться во что бы то ни стало. Въ шесть часовъ утра показался, при входѣ въ Выборгскую бухту, сначала корабельный, а за нимъ галерный флотъ. Корабли шли подъ нашими выстрѣлами на весьма немногихъ парусахъ, мѣтя все прочіе паруса закрѣпленными, но такъ, чтобы мгновенно можно было распустичь ихъ. Почти весь экипажъ былъ скрытъ въ подводной части; на палубѣ оставались одни офицеры съ нѣсколькими матросами. Проходъ каждаго шведскаго корабля мимо русскихъ кораблей продолжался не болѣе четверти часа. Осыпаемые ядрами по крайней мѣрѣ изъ полтора ста нашихъ орудій, шведскіе корабли не потерпѣли ни слишкомъ большаго урона въ людяхъ, ни особенно-важныхъ поврежденій въ снастяхъ и мачтахъ. Притомъ же наши суда расположились не вполне выпуклою дугою, такъ что выстрѣлы съ нихъ не дѣйствовали на многія точки пути, по которому шелъ непріятельскій флотъ. На бѣду свою, шведы пустили въ отрядъ контр-адмирала Поваляшина брандеръ, который, не дойдя до мѣста, сѣлъ на мель и сообщилъ огонь шведскимъ кораблю и фрегату. Эти суда взлетѣли на воздухъ; потомъ загорѣлось нѣсколько транспортныхъ и канонерскихъ лодокъ; иные корабли сѣли на мель; многія галеры спустили флаги и поднятіемъ русскаго флага отдались въ плѣнъ. Самъ Густавъ едва не попался въ плѣнъ: на его шляпкѣ былъ убитъ гребець и король присталъ къ галерѣ, атакованной нашими

капитаномъ Кроуномъ; но такъ какъ Кроунъ этого не зналъ, то отошелъ отъ нея, а Густавъ пересѣлъ на парусное судно и тѣмъ спасся.

Всего шведы потеряли семь линейныхъ кораблей, два фрегата и множество мелкихъ судовъ, да плѣнными 5,000 человекъ, или, по другимъ извѣстіямъ, 7,000; въ томъ числѣ одного контръ-адмирала и около ста офицеровъ. Почти вся королевская гвардія попала въ плѣнъ.

За эту побѣду адмиралъ Чичаговъ получилъ орденъ св. Георгія перваго класса и 2,417 душъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. 27-го іюня, въ день полтавской битвы, въ Царскомъ Селѣ былъ благодарственный молебень, а 30-го въ Петербургѣ, въ морскомъ Никольскомъ Соборѣ.

Спустя нѣсколько дней случилось, однако, то, чего никто не ожидалъ: все положеніе дѣлъ измѣнилось въ пользу Густава и Швеціи.

Корабельный флотъ непріятеля укрылся въ Свеаборгской гавани, гдѣ и былъ блокированъ; галерный флотъ его стоялъ въ Свенскундѣ, близъ Фридрихсгама; сухопутное войско, подъ начальствомъ генерала Мейерфельда, успѣло опять занять юго-западный уголокъ русской Финляндіи и расположилось въ Гёсфорсѣ и въ Кюменьгоротъ; генералъ Стединъ находился въ Саволакскѣ. Такимъ образомъ, въ концѣ іюня 1790 года, шведы занимали почти тѣ же позиціи, какъ въ 1788 и 1789 годахъ, но на этотъ разъ положеніе ихъ было несравненно хуже: морскія силы ихъ жестоко пострадали 22-го іюня, войско упало духомъ. Русскіе были теперь гораздо сильнѣе и могли идти прямо къ Стокгольму.

28-го іюня былъ день восшествія на престолъ Екатерины. Принцъ Нассау вознамѣрился отпраздновать этотъ день побѣдою надъ шведами; онъ надѣялся взять въ плѣнъ Густава, и на русскомъ адмиральскомъ кораблѣ уже были приготовлены каюты для будущаго царственнаго плѣнника. Мѣстомъ сраженія принцъ Нассау выбралъ то самое, гдѣ разбилъ шведовъ 13-го августа 1789 года.

Это роковое для нашего флота сраженіе описано также съ большими подробностями, основанными на свидѣтельствѣ очевидцевъ—современниковъ. Здѣсь авторъ по-неволѣ долженъ былъ довольствоваться иностранными, въ томъ числѣ и шведскими, источниками, потому что въ нашихъ современныхъ документахъ очень мало данныхъ объ этомъ событіи, а въ официальныхъ русскихъ донесеніяхъ и вовсе не упоминается о несчастномъ сраженіи. Укажемъ на главные моменты втораго морскаго боя при Свенскундѣ.

Со стороны Фридрихсгама велъ довольно тѣсный проходъ къ ва-

кенистой, окруженной скалами и усѣянной подводными камнями бухтѣ, гдѣ шведскій флотъ, въ числѣ 190 судовъ, стоялъ въ боевомъ порядкѣ. Нашъ флотъ (галерный) имѣлъ 230 судовъ, съ довольно большимъ десантомъ. Несмотря на сильный вѣтеръ, дувшій прямо въ заливъ со стороны Фридрихсгама, принцъ Нассау послалъ въ заливъ нѣсколько парусныхъ судовъ, которыя, вступивъ въ него, образовали, по причинѣ тѣсноты, нестройную и неподвижную массу. Шведскія канонерскія лодки, укрываясь за окружающими русскими камнями, выдвигались изъ-за своихъ укрытій и стрѣляли свободно во все стороны, и тогда какъ наши снаряды били по камнямъ, шведскіе громили русскія суда, которымъ крѣпкій вѣтеръ не позволялъ выйти изъ залива. Полагая поправить дѣло умноженіемъ силъ, принцъ Нассау посылалъ въ заливъ отрядъ за отрядомъ, такъ что туда вошла почти вся русская флотилія; но это произвело еще большую тѣсноту и поставило наши суда въ такое положеніе, что они не могли стрѣлять, не вредя другъ другу; шведскія же, окруживъ ихъ, обстрѣливали каждое судно на выборъ изъ пушекъ самаго большаго калибра. Сильный вѣтеръ превратился, между тѣмъ, въ бурю; многія наши мѣлкія суда потонули; остальные не имѣли возможности выбраться изъ бухты. Утромъ, 29-го іюля, бой возобновился и кончился совершеннымъ пораженіемъ принца Нассау. Шведы насчитали битыхъ и раненыхъ русскихъ до 4,000; въ плѣнъ они взяли 279 офицеровъ и 6,200 солдатъ и матросовъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился флагманъ принца, бригадиръ Денисовъ. Изъ судовъ мы потеряли 55.

Густавъ сравнивалъ эту битву съ чесменскою.

Принцъ Нассау самъ извѣстилъ императрицу о несчастномъ шведско-русскомъ сраженіи, просилъ отставки и прислалъ все пожалованное ему ордена. Екатерина, возвративъ ордена, писала принцу, между прочимъ, слѣдующее: «Я не забыла, что вы семь разъ были объдѣтелями на югъ и сѣверѣ. Сей же разъ была буря, которая противоборствовала вашему предпріятію... Вы мнѣ служили, слушайте еще и впредь будете служить, дабы уронъ сей вознаградить». На вторичную просьбу Нассау объ отставкѣ, императрица отвѣчала: Будьте увѣрены, что я отдамъ справедливость всемъ вашимъ потупкамъ... Я принимаю участіе въ вашемъ горѣ, и отъ моего вниманія не ускользнуло препятствіе, которое вы встрѣтили отъ противнаго вѣтра. Вы дѣйствовали по плану, утвержденному мною, и по юнымъ приказаніямъ. Вы правы, и должны быть правы, потому что нахожу, что вы правы».

Императрица казалась наружно спокойною и нисколько неунашедшею духомъ; но въ письмѣ къ Потемкину (17-го іюля) выразилась такъ: «Послѣ сей прямо славной побѣды, шесть дней (спустя) послѣдовало несчастное дѣло съ флотиліей, которое мнѣ столь прискорбно, что, послѣ разнесенія черноморскаго флота бурей, ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе».

Принцъ Нассау предполагалъ вновь атаковать шведскій флотъ и шведское войско 8-го (19-го) августа, но получилъ увѣдомленіе о заключеніи мира.

Кто первый предложилъ миръ? Категорически отвѣчать на этотъ вопросъ невозможно, но неизбѣжно неопровержимыхъ данныхъ. Одни писатели утверждаютъ, что первый шагъ къ примиренію былъ сдѣланъ Екатериною; другіе говорятъ, что Густавъ самъ выразилъ желаніе примириться; третьи свидѣтельствуютъ, что сношенія между императрицею и королемъ начались при посредствѣ испанскаго посланника. Можно считать наиболѣе правдоподобнымъ, что Екатерина была довольна склонностью Густава къ миру и уполномочила генерала Игельстрома явиться къ королю для переговоровъ. Императрица могла опасаться вмѣшательства въ политическія отношенія Англій и Пруссій; польскія дѣла усложнились; Австрія думала о сближеніи съ Пруссіей; миръ съ Турціей еще не былъ заключенъ.... И Густавъ, въ свою очередь, не могъ не желать мира. Онъ убѣдился, что ему нечего было рассчитывать на помощь западныхъ державъ; но еще важнѣе было для него убѣжденіе, что въ самомъ своемъ государствѣ онъ имѣлъ отчаянныхъ враговъ, что шведы тяготились громадными жертвами, принесенными народомъ для безплодной борьбы съ Россіей. Теперь, послѣ разбитія русскаго галернаго флота, онъ могъ заключить миръ, согласный съ честью и славою Швеціи.

Договоръ въ Верелѣ между Россіей и Швеціей состоялся почти одновременно съ рейхенбахскимъ договоромъ между Австріей и Пруссіей (16-го (27-го) іюля).

По существу своему, верельскій миръ былъ только подтвержденіемъ абоскаго договора 1743 года, т. е. обоюдныя границы по рѣкѣ Кюмени не измѣнились. Шведамъ хотѣлось нѣкоторой территоріальной уступки, именно того юго-западнаго уголка русской Финляндіи, гдѣ находился Гетфорсъ, и который, въ продолженіе войны, имѣлъ немаловажное стратегическое значеніе. Русскій уполномоченный не соглашался ни на какую поземельную уступку. Уступки сдѣланы были, съ нашей стороны, по другимъ пунктамъ. Густавъ началъ войну, главнымъ образомъ, съ тою цѣлью, чтобы освободиться отъ вмѣшательства

росии во внутреннія дѣла Швеціи, и чтобы именно въ отношеніи росіи обезпечить результаты произведеннаго имъ въ 1772 году государственнаго переворота (въ смыслѣ возстановленія и усиленія слабленной и униженной дворянствомъ монархической власти). А такъ какъ, въ продолженіе всей войны, когда заходила рѣчь о мирѣ, Россія постоянно требовала подтвержденія ништагтскаго мира, — есть отъѣзны образовавшагося въ 1772 году государственнаго порядка въ Швеціи, то она могла казаться крайне-опасною, какъ ржавая, гарантировавшая прежнюю конституцію. *Въ серельскомъ договорѣ не было упомянуто ни о ништагтскомъ мирѣ, ни о конституціи 1772 года.* Тѣмъ самымъ императрица отказывалась отъ дѣльнѣйшаго вмѣшательства въ шведскія дѣла. Слѣдовательно, главная цѣль войны со стороны Густава была достигнута, главная за-дача его царствованія рѣшена: Швеція сохранила свою политическую самостоятельность и новую конституцію. По секретному параграфу до-говора, Екатерина обязалась выдать королю два миліона рублей для платы его частныхъ долговъ. Такъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ ино-странныхъ современниковъ. Храповицкій же отмѣтилъ въ своихъ писаняхъ: «Сказано (императрицею), что король просилъ денегъ; но нельзя дать, для того что ихъ нѣтъ и чтобы не похвалялся тур-камъ и прочимъ, будто это послѣдовало въ исполненіе сепаратныхъ артикуловъ мирнаго трактата». Въ другомъ мѣстѣ, Храповицкій говоритъ, что король, «по прежнему просилъ за миръ три миліона». Вторъ разсматриваемой нами книги полагаетъ, что «послѣднія слова два-ли допускають сомнѣніе въ томъ, что Екатерина обязалась уплатить Густаву значительную сумму денегъ»; но было-ли внесено это обязательство въ статьи договора остается въ точности неиз-вѣстнымъ.

Увѣдомляя Потемкина о заключеніи мира, императрица писала 1-го августа 1790): «Одну лапу мы изъ грязи вытащили; какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аяллуя»; а 29-го августа, отвѣчая на его письмо, она сказала: «Ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ съ шведами; на сіе тебѣ скажу что со-бою случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро паки прибавить должно мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь».

Въ манифестѣ отъ 14-го августа, возвѣщавшемъ о заключеніи мира, хотя и говорится о Швеціи съ видимою осторожностію, однако сказано, что «отъ превозможенія нашихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ надъ шведскими силами, война здѣшняя воспріяла конецъ».

Замѣчательно, что король Густавъ, хотя и довольный миромъ, сказалъ о верельскомъ трактатѣ: «C'est une montagne qui vient d'accoucher une souris» («гора родила мышь»). А война стоила Швеціи *до десяти сотъ* офицеровъ и *болѣе двадцати тысячъ* рядовыхъ и совершенно разстроила государственные финансы... Еще замѣчательно, что, вслѣдъ за заключеніемъ мира, считался возможнымъ новый разрывъ между Россіей и Швеціей; хотя въ это же самое время велись съ Густавомъ переговоры о войнѣ противъ Франціи, при денежной помощи Россіи. Оказалось, что англичане подбивали короля шведскаго вооружиться противъ Россіи и платили ему деньги. Въ апрѣлѣ 1791 года Суворовъ былъ отправленъ въ Финляндію осматривать шведскую границу; лѣтомъ того же года принцъ Пассау, съ галернымъ флотомъ и съ 6,000-мъ десантомъ, появился у береговъ шведской Финляндіи. Екатерина, получивъ извѣстіе отъ своего посла въ Стокгольмѣ о сомнительности мира, сказала: «Дайте мнѣ кончать съ турками, и тогда я со шведскимъ королемъ раздѣляюсь. Можно-ли удовлетворить его требованія? Хочетъ и денегъ, и половину Финляндіи. Я рада, что на время могла его занять французскими дѣлами».

Только осенью 1791 года былъ подписанъ окончательный договоръ съ королемъ шведскимъ.

Объясняя значеніе войны 1788—1790 годовъ, въ политическомъ смыслѣ, авторъ заключаетъ свои изслѣдованія слѣдующими словами: «Со времени этой войны, политика Россіи въ отношеніи Швеціи должна была измѣниться, и хотя при императорѣ Александрѣ I, при соединеніемъ всей Финляндіи къ Россіи, балтійскій вопросъ былъ доведенъ до извѣстнаго окончанія въ пользу Россіи, однако и Швеція могла быть довольна тѣмъ, что смѣлые подвиги Густава III, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, заставили сосѣдей Швеціи отказаться отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ ея дѣла и спасли ее отъ участи, постигшей Польшу».